

Владимир Гильманов
(Калининград)

УЧИТЕЛЬНЫЙ ОБРАЗ ВЛАДИМИРА В ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННОЙ «ТАЙНЫ БЕЗЗАКОНИЯ»

Акцентируется особая значимость умо- и сердцеперемены князя Владимира, «дивное чудо» (митрополит Илларион) которого, несмотря на все внутренние и внешние катастрофы России, по-прежнему отражает ее основную суть – верность Закону Христову.

Ключевые слова: учительство, преображение, историография, закон, беззаконие.

1. С точки зрения всякого учительства, не только христианского, учитель призван, прежде всего, помочь ученику измениться. Ад – это не только невозможность возлюбить (Н. А. Бердяев), ад – не только, по слову Ницше, «смерть Бога», которого я не могу убить, но убиваю для себя, убивая одновременно себя. Ад – это когда все для человека стало привычной смертью – и смерть Бога, и смерть человека, той смертью, в которой он, человек, уже не способен не только понять умом, но даже почувствовать душой, что мертв! И поэтому не способен измениться, потеряв свободу и богоподобие, но получив разные возможности иллюзорного блага и удовольствия. Самый опасный ад – незаметный, ад чувственной и умственной анестезии, без способности страдать и сострадать, без воли к выходу из секуляризированного ада в нередко благоустроенной могиле здесь-бытия без бытия. Сегодня многие пишут о наших временах как временах апокалиптических и посткатастрофических, когда случились ужасающие привыкания ко всем видам катастрофизма – от антропологического до планетарного, и поэтому утрачивается возможность и воля к тому, чтобы измениться: неоязыческий апокалипсис спокоен, как во времена Ноя, и самодостаточен в когнитивном и психологическом оправдании адовой энтропии, возведенной в закон, ка-

ковой, с точки зрения не только христианства, но и многих даже альтернативных учений, включая некоторые философии (например, Канта) и некоторые юродствующие естественнонаучные теории (как, например, Шрёдингера), есть на самом деле беззаконие. Об этой «тайне беззакония» пишет и апостол Павел в Послании к Фессалоникийцам, утверждая, что она, эта «тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят из среды удерживающий теперь» (2 Фес. 2: 7–8).

2. Учителство призвано к удержанию, к тому, чтобы не дать ученику, особенно если этот ученик призван к политической элите, устроить, по слову пророка Даниила, «твердую крепость с чужим богом» (Дан. 11: 39). Таким учителем сегодня является, без сомнения, равноапостольный князь Владимир и, без сомнения, его учительный образ сказывается не только в среде Церкви, но и в среде реальной политической практики, помогая России в деле «удержания теперь». Но особая учительная значимость Владимира сегодня в том, что он сам был учеником и очень непростым, на что указывает, в том числе, его именование «равноапостольным». Так же именуется и Константин Великий, бывший язычником по вере и поступку, но затем поднявший крест, увиденный им в решающей битве против Максенция над Мильвиевым мостом у Рима, над целой античной империей. «Равноапостольство», как известно, не есть уравнение духовной личности с апостолами, но есть максимальное сближение с ними по роду служения делу Христову. «Равноапостольство» политического вождя поднимает его реальный политический праксис в Пространство-Время «великой совести», преодолевая гравитацию «тайны беззакония» в его тирании бессовестности. Это то, что наполняет политическое дело волей Духа Святого в синергичном перихоресисе, решая извечную проблему взаимоотношения между законом и благодатью.

Совсем недаром в 1049 году на Пасхальной неделе Киевский митрополит Илларион в третьей части своего известного всем «Слова о законе и благодати» воздают хвалу князю Владимиру:

Хвалит же хвалебными гласами Римская страна Петра и Павла, от них же уверовала в Иисуса Христа, Сына Божия; Азия и Эфес и Патмос — Иоанна Богослова, Индия — Фому, Египет — Марка. Все страны, и города, и люди чтут и славят каждый своего учителя, который научил их православной вере. Похвалим же и мы, по силе нашей, малыми похвалами, великое и дивное сотворившего, нашего учителя и наставника великого государя земли нашей Владимира, внука старого Игоря, сына же славного

Святослава, которые в годы своего владычества мужеством и храбростью прослыли в странах многих, и победы и могущество (их) вспоминаются ныне и прославляются. Не в худой, ведь, и неведомой земле владычествовали, но в Русской, которая известна и слышима во всех четырех концах земли. Сей славный от славных рожденный, благородный — от благородных, государь наш Владимир, и возрос, и окреп, и от детской младости значительно возмужав, крепостью и силой совершенствуясь, мужеством же разумом преуспевая — единодержцем был земли своей, покорив себе окрестные народы, одних — миром, а непокорных — мечом [2, 31 — 32].

3. То, что случилось с язычником-князем и чему посвящена обширная и очень противоречивая историография, несет в себе признаки чуда, однако не в магическом смысле, а в евангельском:

Как ты уверовал? Как воспламенился любовью Христовою? Как вселился в тебя разум, высший разума земных мудрецов, чтобы Невидимого возлюбить и на небесное подвигнуться? Как взыскал ты Христа? Как предался Ему? Поведай нам, рабам твоим, поведай нам, учитель наш! Откуда тебе повеяло благоухание Святого Духа? Откуда испил ты памяти будущей жизни сладкую чашу? Откуда вкусил и увидел, как благ Господь? Не видел ты Христа, и не ходил ты за Ним — как учеником Его сделался? Иные, видев Его, не веровали, ты же, не видев, уверовал! [...] Ибо, ведавшие Закон и пророков, распяли Его. Ты же, ни Закона, ни пророков, не почитавший, Распятому поклонился. Как твое сердце разверзлось? Как вошел в тебя страх Божий? Как проникся любовью к нему? Не видел ты апостола, проходившего землю твою, и нищетою своею, и наготою, гладом и жаждою сердце твое к смирению он не склонял. Не видел ты, как бесов изгоняют именем Иисуса Христа, болящие выздоравливают, немые речь обретают, горячка в холод обращается, мертвые встают. Того всего не видев, как же уверовал? Дивное чудо! Иные цесари и властители, видя все, что совершается святыми мужами, не уверовали, но более того — на муки и страданья предали их. Ты же, о блаженный, безо всего того пришел к Христу, только благим смыслом и острым умом уразумев, что есть Бог един, Творец невидимым и видимым, небесным и земным, и что послал Он в мир, спасенья ради, возлюбленного Сына Своего. И о том помыслив, вошел ты в святую купель. Что иным уродством кажется, тебе силой Божией представилось [2, 36 — 37].

4. Это чудо преображения вне герменевтических рамок сциентистски ориентированной историографии, будучи навсегда связанной с тайной личного обращения, сравнимой с новозаветной тайной обращения гонителя христиан Савла в апостола Христа Павла. Многие ис-

торики были потрясены всей глубиной и загадочностью этого обращения князя Владимира, тем более, что исторические реалии, сопровождавшие это событие, отображены противоречиво, начиная с житийной легенды, вставленной в состав летописного киевского свода после «текстовой чистки», устроенной Феопемптом, первым греческим митрополитом в Киеве, поставленным во главе русской церкви в 1057 году при князе Ярославe Владимировиче. Не вдаваясь в подробности этого историко-исследовательского проблемного поля, отраженного многими и связанного, безусловно, не только с вопросом о вере и безверии исследователей, но и с характером веры, подчеркнем то, что отразил Илларион и является основой православного отношения к Владимиру, заключая в себе бесценную педагогику учительного образа князя в современной России. Это — то, что по-прежнему, несмотря на «время тяжкое, какого не бывало с тех пор, как существуют люди» (Дан. 12: 1), «многие очистятся, убелятся и переплавлены будут в искушении» (Дан. 12: 10) через покаяние и спасение свыше. Это случилось с самим Владимиром, каковой после языческого безумия, обратившись, стал воплощением света евангельского откровения в социально-политической реальности возможности «великой совести», несмотря на вечную антиномию меча и любви, через веру. И это случилось и случается и случится со многими-многими в истории Русской церкви и Российского государства. Илларион пишет об этом:

Радуйся, учитель наш и наставник благоверию! Ты правдою облачен, крепостью препоясан, истиною обвит, смыслом венчан и милостынею, как ожерельем, и убранством златым красуешься. Ты стал, о честная глава, нагим — одеждой, ты стал алчущим — кормитель. Ты стал жаждущей утробе прохладой. Ты стал вдовицам помощник. Ты стал странникам пристанищем. Ты стал бездомным — кровом [2, 43].

В заключение процитирую А.В. Карташёва: «В наши дни апокалиптических искушений мира и русского народа властью, хлебами и чудесами техники, пред Русской церковью со всей неотвратимостью встал мировой социальный вопрос со всеми его соблазнами. Креститель наш дал нам пример, как вести себя на этом труднейшем пути» [1, с. 161]. Хочется дополнить: не только перед Русской церковью, но и перед всеми нами — государственной властью, финансово-экономической элитой, образованием и культурой, перед каждым, кто волею судеб был призван родиться в России... Только нужно, чтобы «душа искала света и мира» [1, с. 136]: именно так преосвященный Филарет

(Гумилевский) охарактеризовал то, что произошло с князем Владимиром, связывая чудо его преображения с сокровенной и неизбывной сутью русской души, каковая, несмотря на все, порой чудовищные, испытания русской судьбы, представляется все же взыскующей света и мира.

Список литературы

1. Карташѐв А. В. История Русской Церкви. М., 2006. Т. 1.
2. Митрополит Иларион. Слово о законе и благодати // Повести Древней Руси. М., 2002. С. 11 – 44.

Vladimir Gilmanov

TEACHINGS OF PRINCE VLADIMIR IN THE CONTEMPORARY DISCOURSE OF "THE MYSTERY OF INIQUITY"

The author shows special significance of a change of heart and mind of Prince Vladimir, the "miracle of miracles" (Metropolitan Hilarion), which despite all the internal and external hardships of Russia, still reflects its main essence – faithfulness to the Law of Christ.

Key words: *teaching, transformation, historiography, law, lawlessness.*